

ОЛЬГА ГУСЕЙНОВА

СВЕТЛАЯ
И ТЕМНЫЙ

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г96

Составитель серии *Алексей Бобл*

Иллюстрация на переплете художника
Владимира Нартова

Гусейнова, Ольга Вадимовна.

Г96 Светлая и Темный / Ольга Гусейнова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Любовь и Магия).

ISBN 978-5-699-86774-5

Всем известно, что любая неудачливая попаданка, оказавшись в другом Мире, всегда становится обладательницей тела самой умной, самой красивой, самой сильной. Словом, самой-самой. И тогда у ее ног оказывается весь этот мир в комплекте с великолепным возлюбленным.

А что делать, если оказалась в теле давно и окончательно спятившей Светлой, да еще выданной замуж за сурового и безжалостного Темного Мага?

Конечно же, искать светлые стороны в темной душе зловещего супруга. В конце концов, даже Маг Смерти хочет быть счастливым и не будет против разумной и преданной жены.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гусейнова О., 2016

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-86774-5

Пролог

За окном зажегся уличный фонарь, известив, что наступил вечер — пора прекращать тяжелые раздумья и спешить домой. Маршрутка подошла сразу. В салоне народу было немного, и я присела, набегавшись за день.

Мимо бежали, мелькали огни вечернего города, в окнах домов то тут, то там загорался теплый свет. По салону разносились мировые новости — это водитель громко включил радио. Как назло, всюду взрывы, локальные войны, террористы, экстремисты, грипп, голод. Настроение, и без того неважное, вовсе упало ниже плинтуса. Я люблю жизнь, уважаю и чужую, но, слушая такие новости, начинаю бояться за свою собственную. Особенно когда за тебя некому заступиться в нашем равнодушном, а порой жестоком мире.

От мрачных мыслей отвлекла кондуктор, которая, молча глядя на меня, ждала денег за проезд. Достав из кармана заранее приготовленную мелочь, я заплатила, затем, взглянув ей в лицо,

заставила себя мысленно встряхнуться. Не хочу выглядеть, как она: смиренной, уставшей, словно безжизненной. Робот, а не человек. Судя по всему, эта незнакомая женщина не жила — существовала. Может, не умела, а может, не хотела искать в окружающем мире положительные стороны или яркие краски. Стало жаль ее.

Мы с кондуктором дернулись от того, что автобус неожиданно прибавил скорость. Я заметила желтый отсвет в лобовом стекле и поняла: водитель решил проскочить перекресток в последний момент. Женщина чуть слышно выругалась, хватаясь за поручень у меня за спиной, а затем краем глаза я увидела огромную тень «КамАЗа», несущегося прямо на нас.

«Видимо, водитель многотонной махины тоже решил проскочить на желтый свет...» — эта логичная мысль была последней. Чудовищный удар в кабину и салон автобуса, сопровождаемый жутким скрежетом металла, выбил из меня не только мысли. Затылком я ударилась о локоть кондуктора, чудом избежав перелома позвоночника. Все это сознание отмечало за доли секунды.

Пассажиры закричали. Автобус начал сжиматься словно гармошка, передние сиденья, отрываясь от пола, наезжали на задние. Я ощутила, как невероятная по силе боль разливается от коленей и выше: либо оторвало ноги, либо основательно размозжило колени. Сознание почти отключилось, остались лишь чувства и

ощущения. Боль в ногах перекинулась на левую руку, полоснула по щеке, затем застряла в груди, не позволяя вдохнуть, с чудовищной силой раздирая все тело. Нос заполнил запах крови, я почувствовала, как она заливает лицо. А еще вслед за вытекающей кровью в тело начал проникать лютый холод.

В момент, когда боль исчезла совсем и остался сплошной обволакивающий холод, я поняла: это все! Для меня на этом свете все закончилось, а самое обидное, что даже картинки из оборвавшейся жизни не промелькнули, как водится. Неужели нечего было посмотреть или вспомнить?

Неведомо откуда я точно знала: мое тело уже умерло, а душа рыдала по несбывшемуся, непрожитому и неиспытанному. Вскоре и последние ощущения начала поглощать тьма. Странное чувство, когда еще не погасшая частица сознания бьется в истерике и упорно цепляется за фактически уже ускользнувшую жизнь, не давая крошечной искорке полностью раствориться в темноте. Я боролась с отчаяньем смертника, который знает, что бой проигран, но пока дышит, не прекращает сопротивляться. Именно эта толка моего сознания каким-то образом искала выход из пустоты, безмолвно кричала. Так, должно быть, утопающий судорожно барахтается в глубине, пытаясь выбраться на спасительную поверхность в поисках глотка воздуха.

Я не увидела, а скорее ощутила разрыв в темноте. Что-то непонятное пронеслось мимо

меня, обдавая новой волной пугающего холода, странным, жутковатым облегчением и мрачным безумным удовлетворением. А в месте разрыва и выхода этого непонятного источника загадочных чувств и «живых» эмоций я уловила чье-то тепло и устремилась к нему. Не важно, чье оно! Важно, что там тепло, а не как тут — темно и жутко!

Я скользнула в потусторонний «разрыв», и меня сперва обдало живым теплом... А затем вернулась боль, вспыхнувшая с такой силой, что я начала задыхаться, как совсем недавно вроде бы. Но только в этот раз мой судорожный вдох принес не только боль, но и облегчение. Я могла дышать! А боль... боль означала, что я все-таки жива. Боль оказалась моей союзницей в борьбе за жизнь, ведь я держалась за нее как за спасательный круг. Только теперь, когда я поняла, что могу дышать и чувствовать, я позволила тьме укрыть кроху своего сознания. Почему-то была уверена, что худшее осталось позади, а борьба за жизнь выиграна.

Глава 1

Я в сопровождении няни быстро шла по пугающе пустому коридору. Света свечей едва хватало, чтобы раздвинуть окружающую темноту. Гулкий звук моих шагов эхом возвращался из казавшегося бесконечным каменного тоннеля. Хорошо, что рядом шаркала разношенными башмаками старенькая женщина, жилистой морщинистой рукой держась за мое плечо. Перед высокими двустворчатыми дверями я сжалась от страха, а няня Сальма едва слышно прошептала:

— Будь хорошей девочкой, Сафира. Не зли его лишний раз. Пока не пойдем, что там произошло, рта не раскрывай.

— Хорошо, няня, — послушно ответила я.

Прилагая усилия, старушка отворила передо мной одну из тяжелых дубовых створок, подтолкнула вперед, сама зашла следом, но осталась стоять у входа. В этой неизменно жуткой для меня комнате оказалось неожиданно много народа. Не смея поднять глаза от пола, я по

обуви и нижней части одежды присутствующих смогла определить, что в спальне отца находятся трое драков, четверо слуг-людей мужского и женского пола и старая знахарка Нона, которая жила в лесу за замком, но являлась по первому зову его владельцев.

В нос ударил уже знакомый запах крови. Не успела я предположить, почему в спальне отца так пахнет, как услышала его скрипучий усталый, но все равно злой голос:

— Сафира, подойди.

Я не посмела ослушаться, хотя от страха подгибались колени. Где же мамочка? Она всегда старалась находиться рядом, когда отец желал видеть свою — пока! — единственную дочь и наследницу. По-прежнему не поднимая взгляда от пола, медленно приблизилась к огромной кровати с тяжелым бархатным балдахинном, подобранным золотыми плетеными шнурами.

Набравшись смелости, я посмотрела на отца и задрожала от ужаса. Он лежал облаченный в белую рубашу, до паха прикрытый цветным покрывалом. Я не видела лица, мой взгляд был прикован к окровавленным тряпкам в низу его живота. Нона принялась менять повязки, и касания сильно пахнущей травами влажной тряпицы заставляли отца стискивать зубы и с шумом втягивать воздух. При этом он резко выбросил руку и, больно впиваясь ногтями, подтянул меня к себе и с ненавистью зашипел:

— Полюбуйся, доченька, что твоя мать с твоим отцом сделала. Пыталась зарезать меня, лживая сука... хотела прервать мой род. Великий род драков Дернейских!

Не смея посмотреть ему в лицо, я рванулась прочь, но он крепко сжимал мою руку. Рыдания подступили к горлу, слезы готовы вот-вот вылиться наружу. А в голове бьется лишь одна мысль: «Где мамочка?»

Знахарка прикрыла тряпочку, пропитанную лечебными травами, парой толстых и сухих, и хрипло произнесла:

— Мой лорд, вы сильный драк, и эта рана больше не угрожает вашей жизни — я уж позаботилась. Берегите свое единственное дитя. Леди Амалия выполнила угрозу — больше вы не сможете зачать потомство.

Отец с ненавистью оттолкнул меня, да так сильно, что я больно ударилась об пол. Начала приподниматься на руках, но тут, неожиданно заглянув в проем между полом и днищем кровати, заметила с другой стороны комнаты роскошное желтое платье матери. Затем, застывая от ужаса, поняла, что напротив лежит ее окровавленное тело. На меня смотрели не прежние золотистые мамины глаза, а мертвые, тусклые, серовато-желтые. Крик застрял в горле, когда отец яростно прошипел:

— Будь ты проклята, Амалия! Будь уверена, я найду способ отомстить тебе... — Голос его сочился ненавистью, словно ядом. Отец немного

помолчал и после передышки озвучил, видно, только что пришедшую в голову идею: — За твое предательство ответит дочь. Я позабочусь, чтобы она прожила достаточно долго, чтобы успеть продолжить мой род. Но каждый день она будет проклинать тебя, Амалия!

Раненый несколько раз судорожно, болезненно вдохнул и выкрикнул:

— Сатис!

— Я здесь, лорд Калем! — откликнулся стоявший неподалеку мужчина, тут же направившись к кровати.

Перед моим лицом возникли огромные начищенные сапоги. Заставив меня задохнуться от боли очередной потери, отец приказал их хозяину:

— Сальму выкинуть за ворота замка. Моя дочь достаточно взрослая, чтобы самой заботиться о себе. Оставить только гувернантку. Драка из рода Дернейских не может быть безграмотной и невоспитанной.

Старая няня метнулась мимо меня, рухнула на колени перед кроватью своего лорда, протянув к нему руки, взмолилась:

— Лорд Калем, пожалуйста, она же ребенок, ей всего пять лет! Она не может отвечать за грехи леди Амалии, ведь Сафира — ваше дитя, плоть от плоти!

— Замолкни! — глухим от злобы и физической боли голосом приказал лорд.

Сатис схватил за шиворот Сальму и поволок прочь из комнаты. Старая женщина никак не

могла подняться на ноги, путаясь в длинных юбках, плакала и прощалась со мной взглядом. Не знаю, что произошло дальше, передо мной все еще стоял мертвый взгляд мамы и горестный — няни. В один миг я лишилась всех, кого любила и кто любил меня. По спальне отца разнесся высокий пронзительный детский крик, наполненный болью и отчаянием, и когда чья-то оплеуха вновь свалила меня навзничь, поняла, что кричала именно я.

* * *

Наверное, этот печальный душераздирающий крик маленькой девочки по имени Сафира, потерявшей в один день мать и няню, и заставил очнуться, вырваться из тьмы, так долго окружавшей меня.

В нос ударил запах горящих смолистых поленьев — такой же, как у нас на даче, когда папа разжигал камин в сырую погоду, — а еще восковых свечей и застарелого пота. Не в силах открыть глаза, прислушалась к своим ощущениям: невероятная слабость охватила все тело, словно я — желе, готовое растечься в любой момент, стоит только пальцем пошевелить. В области солнечного сплетения сильно болело. То ли живот, то ли грудь — сложно разграничить. Но мне кажется, именно эта выворачивающая наизнанку боль, став моей невольной союзницей, помогла удержаться и

не вернуться в тот «разрыв», не раствориться в темноте...

Неожиданно надо мной что-то зашуршало, потом раздался женский голос. Из короткого предложения я сначала не поняла ни слова — язык был странным, совершенно незнакомым. Чья-то рука почти невесомо коснулась моей, погладила предплечье. Снова кто-то начал говорить, и в этот миг у меня в голове будто щелкнуло — я начала различать отдельные слова. И чем дольше говорил этот тихий голос, тем понятнее становилась чужая речь, словно всплывала на поверхность из глубин воспоминаний. Последние слова я точно поняла:

— Посмотри на меня, дитя мое! Всевышний простил тебя; все изменится к лучшему, грехи остались в прошлом, небесные врата закрылись пред тобою; тебя вернули на грешную землю.

Открыв наконец глаза, я уставилась на обрацавшуюся ко мне женщину. Передо мной на краешке кровати сидела, судя по одеянию, монахиня — в черной сутане-балахоне, темном плато до плеч, завязанном под подбородком тесемочками, — натруженной суховатой ладонью поглаживая меня по обнаженной руке и успокаивающе воркуя.

Я сфокусировала взгляд на лице незнакомки, покрытом тонкой сеточкой скорбных морщинок, и посмотрела в ее полные печали глаза. Встретив доброжелательный взгляд, я судорожно вдохнула, от чего место, где обосновалась

моя союзница-боль, вновь вспыхнуло. Прилагая невероятные усилия, я с трудом приподняла удивительно тяжелую руку и дотянулась до места сосредоточения боли. Правда, не острой, а глухой, застарелой. Так и есть — под одеялом чувствовалась повязка. Кроме того, с каждой секундой я все лучше ощущала свое тело, но в то же время происходящее воспринималось как нереальное. Вроде бы вижу, ощущаю, но что-то идет не так... Но вот что именно?..

Заметив, что я пошевелилась, женщина быстро затараторила, немного наклоняясь надо мной:

— Не волнуйтесь, миледи, рана заживает. Кризис миновал. Это чудо, что вы выжили. Вы перестали дышать, сердце не билось, даже свеча потухла. Я начала молиться за вашу душу, и в этот момент свеча сама... сама вновь загорелась. Неожиданно вспыхнула, да так ярко, высоко, а следом вы закричали и очнулись. Это настоящее чудо! И в нашей обители... Вторые сутки вас караулим, и вам с каждым часом становится лучше.

Я слушала загадочную женщину, а в душе нарастали страх и непонимание. Попыталась громко спросить, но получилось сипло прокаркать:

— Где я? И почему не в больнице?

Теперь пришла очередь монашки округлять глаза и с непониманием смотреть на меня. Она осторожно произнесла: